

ГРАЖДАНСТВО

От равенства и достоинства
к унижению и разделению

Димитрий Коченов

Димитрий Коченов
Гражданство. От
равенства и достоинства
к унижению и разделению
Серия «Популярная социология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63018043

Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению / Димитрий Коченов; [перевод с английского С. А. Мирошниченко]; Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-110609-6

Аннотация

Книга Коченова – критическое введение в тему, которую чаще всего воспринимают некритически. В нашем мире гражданство прославляется как важный идеал. Это часть нарратива, взывающего к демократическому самоуправлению, достоинству и национальному единству. В действительности, как объясняет Димитрий Коченов, история гражданства – это история стадных чувств, лицемерия и подчинения, которая льстит гражданам и унижает неграждан. В этой книге Коченов описывает положение дел с гражданством в наши дни.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	11
1. Ключевые элементы гражданства	17
Статус	21
Права	29
Обязанности	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Димитрий Коченов

Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению

*Лозунг «E pluribus unum»¹ обещает воистину
алхимическое превращение; либеральный плюрализм
ни к какому единству не ведет.*

Майкл Уолцер

Dimitry Kochenov
CITIZENSHIP

© 2019 Massachusetts Institute of Technology

© Мирошниченко С.А., перевод, 2020

© Коченов Г.В., художественное оформление, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие к русскому изданию

Забавно, насколько по-разному может восприниматься одна и та же тема в разных частях света. Я, голландец советского происхождения, постоянно с этим сталкивался во время написания этой книги в США и Нидерландах. То, что кажется очевидным для большинства сербских, русских и израильских друзей – то, что некоторые гражданства определенно хуже других и что такое различие между статусами гражданства должно быть отправной точкой при рассмотрении этой темы, – многие западноевропейские и американские друзья и коллеги воспринимают как враждебное и неплототворное понимание гражданства. Я особенно ясно почувствовал, что мой подход имеет право на жизнь, после того как один знаменитый австрийский ученый вернул мне рукопись этой книги с пометкой: «Представленная здесь точка зрения настолько отвратительна и неубедительна, что я смог дочитать лишь до восьмой страницы» – а в англоязычном издании их 320. К счастью, сколь бы кто-либо ни отказывался читать критические работы по своей теме, это не спасет от критики доминирующую точку зрения.

Эта книга во многом вдохновлена моей «прежней жизнью» как гражданина СССР, а затем и России, студента в Нижнем Новгороде, в Гренобле, в Амстердаме у Тома Айсбаутса и в Центрально-Европейском университете в Бу-

дапеште у Мартина Кригера, Стивена Холмса и Андраша Шайо. Она стремится показать гражданство с точки зрения большинства населения мира, учесть в анализе этой столь многими воспетой, но противоречивой концепции опыт тех, кто хорошо знает, насколько произвольно нас могут судить по цвету паспорта в разных странах, насколько хрупки режимы гражданства и насколько мы зависим от наличия «правильного» или «неправильного» документа, где бы мы ни находились.

Читая лекции о гражданстве по всему миру, от Европейского колледжа в Натолине, Рима, мексиканской столицы и Принстона до родного Гронингена, я почти всегда держу под рукой свой красный советский паспорт – для меня это напоминание о том, насколько произвольно нам выпадают шансы в этом мире и насколько хрупко наше положение в нем. На пути к новым гражданствам и по мере накопления историй о том, что такой статус значит на практике, мне постоянно приходится объяснять американским и голландским друзьям, что украинец, натурализующийся во Франции, на Антигуа или Сент-Китсе, или китаец, получающий гражданство за инвестиции на Мальте, не мошенники и не преступники – если только не считать преступлением сомнение в националистической данности глобальных нефеодалных каст. Для многих людей повышение качества гражданства – не прихоть, а абсолютная необходимость. Сотни тысяч россиян, китайцев и латиноамериканцев, натурализующихся на Запа-

де, служат четким подтверждением этой самой элементарной отправной точки, которую постсоветский или постъюгославский читатель без труда воспримет как непротиворечивую. Поэтому выход этой работы на русском – особенная радость для меня, и я очень благодарен издательству «Бомбора» за то, что оно смогло оценить потенциал этой книжки. Я особенно благодарен блестящему редактору Антону Ширикову из Мэдисона в Висконсине, который сделал текст, изначально подготовленный для американских и британских читателей, по-настоящему русским. Кирилл Рябцев из Гронингена помог с примечаниями, за что большое спасибо. Не менее я благодарен Павлу Бандакову за постоянную помощь, воодушевление и регулярные прогулки по Лондону, а также Саре Ганти, которая терпеливо вынесла многие месяцы моего непрерывного внимания к этой книге – от английской рукописи в холщевой зеленой сумке, когда мы впервые поцеловались, до нескончаемого перевода на итальянский, лежавшего повсюду в нашей квартире на Пьяцца Фарнезе, до русского текста, устилавшего полы в Брюсселе, Нью-Хейвене и Талибонтена-Уске в валлийской глубинке.

Я посвящаю это издание незабвенной Надежде Михайловне Сидоренко, открывшей новые горизонты бесчисленному множеству одаренных студентов в Российско-французском университете в Нижнем Новгороде. Без нее у меня не было бы никакой «второй» – то бишь настоящей, теперешней – жизни, и та книга, которую вы собираетесь прочесть,

уж точно не появилась бы на свет.

Д. К.

Принстон,

Нью-Джерси,

февраль 2020 г.

Предисловие

Немногие понятия кажутся настолько очевидными, оставаясь при этом настолько недопонятыми, как гражданство. Гражданство возникло в древности, но и в наши дни оно столь же притягательно, как и во времена Аристотеля: участие в политической жизни, эмансипация и принадлежность к нации – это что-то достойное, комфортное, знакомое, как зачитанные книги в мягкой обложке. Но если забыть о флагах, выборах, паспортах и славной истории, гражданство может показаться скучным – неужели здесь есть о чем писать книгу? Но, как мы увидим, эта самоочевидность, вроде бы не требующая пояснений, очень многое скрывает. Гражданство служит инструментом как расширения политических прав и формирования идентичности, так и укрощения населения – и «местных», и «понаехавших», а также поддержания статус-кво – несправедливости, закрепившейся на локальном и на глобальном уровне. При ближайшем рассмотрении гражданство оказывается традиционно насильственным и в конечном счете тоталитарным статусом, происходящим из досовременной эпохи. Этот статус назначается по крайне жестким правилам, но в то же время и крайне произвольно. Он не оставляет места для личного выбора и личных заслуг и упивается своим сексизмом и расизмом. Эти характеристики составляли самую суть гражданства на протяжении

нии всей его истории и только в последние десятилетия начали с большой неохотой исчезать, во многом лишая гражданство смысла. Гражданство – пережиток мира, где еще не было идеалов равенства и справедливости, движущих нами сегодня, и теперь эта идея оказалась в очень непростой ситуации. Стоит копнуть чуть глубже, и изъяны официально-го нарратива о политической эмансипации немедленно обнажаются.

Сколь бы несообразным ни было гражданство современному миру, оно очень тесно в него вплетено. Современные демократии пропитаны им до мозга костей, оно играет решающую роль в их жизни, и изучение гражданства постоянно перемежается рассуждениями о достоинстве и разумности. Самая интересная особенность гражданства – глубокое противоречие между его сущностью и целью, с одной стороны, и его репутацией – с другой. История гражданства – это в равной мере история лести в адрес провозглашенных «своими», повесть об освобождении, достоинстве и национальной государственности и история стадных чувств, лицемерия и грубого доминирования, поданных под соусом личной автономии и стремления к общему благу. Это эффективный способ расколоть общество пополам; шрамы и разногласия после такого раскола заживают с колоссальным трудом. Гражданство считается чем-то «хорошим», и плохой гражданин менее достоин сострадания, понимания или права голоса. Людей, приписанных к «плохим гражданам», в конечном

счете игнорируют или изгоняют и лишают статуса. Гражданство – мощный инструмент укрепления распространенных предрассудков и создания новых.

Тем не менее в основе современного гражданства лежит абсолютно достойный одобрения идеал равенства и достоинства, восходящий к апостолу Павлу: это абстрактная, идеалистическая декларация, игнорирующая фактические различия между людьми, разность их пристрастий, способностей и устремлений. Гражданство – это в первую очередь инструмент упрощения мира. Оно настолько популярно и универсально не только ввиду своей поразительной эффективности – насколько управляемыми оно делает людей, – но и, несомненно, потому, что оно играет роль единообразного кода, упрощающего невероятное разнообразие и сложность человеческих обществ. Умножение числа граждан было воистину чудесным: в Афинах времен Аристотеля они составляли ничтожную долю населения, тогда как сегодня абсолютное большинство населения Земли – граждане какой-либо страны. Это объясняется множеством факторов, начиная с постепенного подъема индивидуализма и глобального распространения государственности, по сути своей опирающейся именно на гражданство, и заканчивая тем, что притягательные идеи достоинства, равенства и ценности человеческой личности применяются к строго отделенным друг от друга группам людей. Это повторяется сотни раз по всему миру от государства к государству, от граждан-

ства к гражданству. К сожалению, эти идеалы улетучиваются, стоит только рассмотреть два общества и более вместо одного. Провозглашается, что гражданство служит великим идеалам, но на практике это очень эффективный абстрактный юридический инструмент, оправдывающий, по существу, произвольное насилие, унижение и исключение.

Гражданство – это в первую очередь инструмент упрощения мира.

Эта книга о том, что такое гражданство, что оно влечет за собой, как появилось и как меняется его роль в мире. Важно подчеркнуть, что книга отнюдь не ставит своей целью восславить гражданство несмотря ни на что. Напротив, это критический обзор идеи гражданства, более глубокий, чем популярные, клишированные трактовки этой концепции, которые чаще всего преподносят гражданство как необходимый элемент политической деятельности, полагая политические права граждан его определяющей характеристикой. Как продемонстрирует эта книга, идти по такому проторенному пути – значит игнорировать важнейшие особенности гражданства, что неприемлемо в столь краткой работе. Рассуждения о триумфах и о достоинстве гражданства слышны повсюду, мы же сосредоточимся на произволе, насилии и подострастии, сопровождающих гражданство, на объявленной гражданством войне против индивидуальности, на том, как гражданство становится священным средством борьбы за сохранение статус-кво в любом обществе и в любые вре-

мена. Если к тому же обратить внимание на внутренне присущий гражданству расизм, на серьезную и систематическую дискриминацию женщин, к которой оно традиционно приводило, на классовые различия между имущими и неимущими, которые оно закрепляет и усиливает, то станет ясно, почему гражданство сегодня находится на перепутье: идеалы, для защиты и продвижения которых оно возникло, имеют мало общего с представлениями о достойном обществе в современном мире. В результате гражданство все быстрее меняется, и мы проследим самые значимые векторы этих перемен. Уместность гражданства в современном мире, который стремится оставить позади все эти прославления раболепия, расизма, сексизма и произвольного исключения – ключевых черт и основного наследия гражданства, – отнюдь не ясна и уж точно не очевидна.

Основу для этой книги заложили и исследования о гражданстве, написанные для сугубо профессиональной аудитории, и мое практическое знакомство с темой: будучи специалистом по сравнительному, европейскому и международному праву гражданства, я близко знаком с коллизиями, касающимися гражданства в самых разных частях мира, от Европейского союза до Чагосского архипелага в Индийском океане. Но хотя книга и написана юристом, это не въедливый юридический отчет о деталях правовых систем прошлого или настоящего. Это *общий обзор* основных элементов концепции гражданства и ключевых этапов ее становления, ко-

которые выходят за рамки любой отдельно взятой правовой системы. В подобном обобщении как раз и состоит главное преимущество этой работы: оно помогает пролить свет на важнейшие характеристики гражданства, которые в масштабах отдельной страны остались бы неразличимыми. Этот более широкий взгляд позволяет выделить неотъемлемые черты гражданства, избегая ловушки националистических допущений. Такой подход весьма полезен и порой представляет вроде бы очень знакомое всем нам понятие в радикально ином свете.

Д. К.

*Королевский нидерландский институт в Риме,
июль 2018 г.*

1. Ключевые элементы гражданства

В 1727 году, когда герр Гендель, композитор британского короля Георга I, стал мистером Генделем, натурализация была невиданной редкостью. Чтобы принять Генделя в подданные британского короля, понадобился специальный акт парламента – иной процедуры на тот момент не существовало. Но хотя история насчитывает немного случаев натурализации, они довольно хорошо известны. В 1661 году еще один композитор, Джованни Баттиста Лулли, подданный великого герцога Тосканы, стал французским дворянином, причем весьма могущественным, и сменил имя на Жан-Батист де Люлли. Подданство Франции было присвоено ему за особые заслуги – дружбу и совместное музицирование с «королем-солнцем». Особый случай – сами короли и королевы, для которых понятия подданства не существовало в принципе. Прекрасной иллюстрацией служит тот же Георг I: всего за несколько лет до того, как Гендель получил британское подданство, Георг был блистательным курфюрстом Ганноверским и славился своей нелюбовью ко всему английскому.

Но абсолютному большинству – тем, у кого в роду не было королей – определенно не повезло. Официально гражданство – статус, подразумевающий полноправное членство в

каком-либо сообществе – присваивалось по строгим правилам и на всю жизнь. Таким образом, перемена гражданства случалась крайне редко. Даже сегодня, через 350 лет после того, как флорентиец Лулли получил французские документы, такое изменение статуса – событие глубоко исключительное, как бы парадоксально это ни звучало в нашем глобализованном мире. Хотя многие из нас и знают какого-нибудь иммигранта, получившего американское гражданство, слышали об олимпийском спортсмене, выступающем за другую страну, или о миллионере, покупающем гражданство Сент-Китса и Невиса, натурализованные граждане сегодня составляют менее двух процентов от мирового населения – в пределах пренебрежимо малой погрешности¹. Следовательно, хотя конкретные случаи натурализации безусловно значимы, на одних этих примерах едва ли можно построить полноценный анализ гражданства.

Эта книга обрисует более общую картину. Мы рассмотрим, что подразумевает статус гражданина для всех людей мира, в том числе для тех, кто никогда его не менял (а таких подавляющее большинство), разберемся, что лежит в основе получения гражданства, какие функции этот статус выполняет и кто теряет при распределении таких статусов. Затем мы перейдем к правам, с которыми обычно ассоциируется статус гражданина, и уделим особое внимание самым важным из них, тем, которые предусмотрены во всех государствах мира. Прежде всего, это право на въезд, право на

работу и проживание. Мы также поговорим о менее универсальных правах и свободах, которые зависят от контекста конкретной страны, таких как социальные права и участие в выборах, которые не являются фарсом. Затем мы перейдем от прав к обязанностям, исполнение которых обычно ожидается от обладателей этого статуса, особенно к обязанности быть «добропорядочным гражданином» и любить родину, какой бы дурацкой она ни была. В заключительной главе мы рассмотрим политические аспекты гражданства вкупе с ролью политических прав при присвоении гражданства и в процессе использования этого статуса. На оставшихся страницах главы мы очень коротко поясним, как взаимосвязаны и как эволюционируют все эти составляющие гражданства – статус, права, обязанности, политика. Мы также кратко обсудим, как соотносятся статус гражданина и идентичность. Слова, составляющие этот тандем, весьма внушительны и вроде бы исполнены глубокого смысла, но хотелось бы предостеречь читателя от придания их связке слишком уж большого значения. Это может запросто ввести в заблуждение.

Давайте рассмотрим каждый из четырех ключевых элементов гражданства в целом, прежде чем перейти к их более глубокому анализу в последующих главах. В результате этого упражнения станет ясно, что гражданство – это несколько причудливая и тоталитарная, но при этом глубоко утилитарная юридическая фикция, прочно закрепившаяся в нашем

мире. Она лишена морально-этического содержания и может быть весьма суровой к тем, кто недоволен сложившимся в мире неравноправием, которое гражданство блюдет и помогло установить.

Статус

Большинство людей, в отличие от Генделя и де Люлли, не выбирают себе гражданство. Этот статус присваивается им при рождении без какого-либо их участия и остается неизменным до конца жизни. При определенных обстоятельствах гражданство вообще может остаться вне поля зрения его обладателя. Обычный американец или голландец, например, может прожить всю жизнь, особо не задумываясь о гражданстве. И хотя такие государства, как США и Нидерланды, настаивают, что созданы гражданами и во благо граждан, этот статус совершенно невидим и, кажется (что ошибочно), не имеет отношения к повседневной жизни, потому что граждане официально принадлежат государству и проблемы «приезжих», у которых местного гражданства нет, их не касаются. Совсем иная картина в обществах, где граждане составляют ничтожное меньшинство, например в древних Афинах или в современном Катаре². Там тираны-граждане остро осознают, что гражданство отличает их от подавляющего большинства живущих рядом людей – бесправных, вызывающих жалость или презрение, всегда находящихся под угрозой депортации. Бесправные тоже очень хорошо видят эту разницу – наверное, гораздо лучше, чем сами граждане. В таких обществах сложившаяся практика угнетения большинства оправдывается главным образом с точки зре-

ния гражданства (или его отсутствия). И такого рода ограничения, только порой менее очевидные, встречаются повсеместно.

Другой пример, возможно, более понятный американцам, нежели русским, – внезапно обнаружить, что статуса, на который вы обычно не обращаете внимания, у вас в действительности и нет. Представьте себе Хуана: всю свою жизнь он жил в Миннесоте, никогда не покидал страну и всегда считал себя американцем. Но вдруг выясняется, что его незаконно привезли в США в возрасте трех месяцев, а значит, у него нет права оставаться в Америке, в отличие от его младших сестер, которые там родились. Такое происходит гораздо чаще, чем кажется. По некоторым оценкам, в 2014 году с этой проблемой столкнулись 2,3 млн людей младше 24 лет в одних только США³. Но в остальном мире такие открытия тоже случаются постоянно. В России, например, власти могут решить, что документы о гражданстве, выданные дипломатическим представительством РФ в период распада СССР, были предоставлены незаконно. Вместо нового российского паспорта человек в таком случае получает уведомление о том, что он нелегальный мигрант. Тысячи россиян оказались в последние годы в такой ситуации⁴. В Западной Европе можно прочесть о голландках, вышедших в Ост-Индии замуж за «уроженцев колоний» (*inlanders*); им было отказано в любой возможности вернуться домой в Делфт или Харлем, поскольку в Нидерландах с 1898 года статус граждан-

ства замужней женщины соответствовал статусу ее мужа, а обладатели статуса колониальных уроженцев не имели права переезжать в Нидерланды⁵. Или вспомним «исключенных» словенцев: накануне югославских войн они не уведомили словенские власти о том, что принимают гражданство вновь провозглашенного государства, а посему остались без гражданства, даже если родились в Словении и прожили там всю жизнь⁶. В этих и подобных примерах, которые мы будем обсуждать на протяжении всей книги, ничего не подозревающие граждане внезапно лишились статуса и оказались вне рамок закона. Результатом стали разрушенные жизни.

Все эти примеры говорят об одном: гражданство как формальный статус исключительно важно для каждого человека. Однако отсутствие гражданства – не единственная ситуация, когда этот статус обращает на себя внимание. Более того, статус гражданства невидим лишь тогда, когда ваше гражданство – лучшее в мире. Но что, если оно сомнительного качества? Даже если забыть об основных свободах – например, о том, имеет ли гражданин право не задумываться, кто правит в стране или какое божество находится в центре официальной религии, – гражданство иногда наносит реальный физический ущерб. На деле это проявляется, например, в «женском обрезании»: в Египте 87% женщин и девочек подвергаются таким процедурам⁷; в практически ритуальных обезглавливаниях в других странах исламского мира в наказа-

ние за преступления, слишком эзотерические для понимания большинства иностранцев⁸; или в абсолютном запрете бывать в других странах – например, в Туркменистане выездные визы не выдаются практически никогда⁹. Эта книга покажет, как много зависит от статуса гражданства в теории и на практике – так обстоят дела во всех частях света, какое бы у вас ни было гражданство. Ваше гражданство, обычно автоматически приписанное вам после рождения, будь вы из Кыргызстана, Мадагаскара или Панамы, предопределяет, как с вами будут обращаться де-юре и де-факто в любой точке земного шара. Статус гражданина, который государства присваивают в соответствии с национальным законодательством и для внутреннего пользования, в каждом конкретном случае имеет глобальные последствия.

Гражданство отнюдь не нейтрально и никогда не было непредвзято по сути своей.

Важно отметить, что, хотя гражданством вроде бы наделяют на одинаковых и равноправных условиях, оно отнюдь не нейтрально и никогда не было непредвзято по сути своей. Гражданство всегда поддерживает определенный статус-кво, который благоприятствует определенным группам в обществе. Исторически сложилось, что статус гражданства всегда играет решающую роль в поддержании строгих, произвольно выбранных дискриминационных ограничений, особенно по признаку расы и пола. Несмотря на заявления о равенстве, до

самого последнего времени женщины зачастую не пользовались ни автономным статусом гражданства, ни вытекающими из него правами, на что указывает пример с голландками в колониях. Кроме того, было бы заблуждением утверждать, что права гражданства белых жителей колоний и колониальных подданных с другим цветом кожи были сопоставимы, будь то на бумаге или на практике. Вроде бы нейтральный статус равных стал мощным инструментом установления и поддержания расистской и сексистской дискриминации по всему миру. Дискриминация по целой серии признаков, как мы увидим, традиционно была одной из основных функций гражданства.

Чтобы осознать ограничения своего гражданства, многого не требуется. Не обязательно, например, пытаться въехать в Соединенное Королевство с сомалийским паспортом – или пережить другой подобный бюрократический кошмар. Многие старшеклассники из Нидерландов после окончания учебы едут в кругосветку. Поскольку такие авиабилеты дешевы, а увидеть много стран за одну долгую поездку – отличный способ провести год перед поступлением в университет: закинуть рюкзак на плечи, подработать посудомойкой, побродить, сравнить качество травы, заниматься любовью, короче говоря, увидеть мир. Если у вас есть свободное время и немного денег, необходимых для путешествия, то все складывается удачно для подобных шатаний. Но если у вас не голландское гражданство, а, скажем, марокканское или

казахстанское, то такая поездка невозможна. Детям из этих стран, даже если у них есть вид на жительство в Нидерландах, необходима отдельная виза для каждой остановки в пути. Им нет смысла покупать кругосветный билет, поскольку их гражданство не соответствует тому «минимальному» уровню качества, наличие которого авиакомпании предполагают у своих клиентов. Марокканцы, казахи и многие другие остаются дома, в какой бы стране они ни жили, потому что присвоенного им при рождении гражданства недостаточно, чтобы путешествовать по миру и, что еще важнее, заниматься многими другими вещами. Даже совсем поверхностный анализ глобального регулирования гражданства четко демонстрирует, что *большинство* статусов гражданства в мире недостаточно хороши и негативно влияют на жизнь их обладателей как внутри, так и *за пределами* страны гражданства.

Гражданство, присвоенное при рождении и всегда помимо нашей воли, в абсолютном большинстве случаев остается на всю жизнь. Но гражданства резко отличаются по качеству, причем это касается не только свободы передвижения: образование, материальное благосостояние, возможность прожить долгую и здоровую жизнь очень сильно зависят от присвоенного вам статуса. Аелет Шакар проницательно назвала это «лотереей происхождения»¹⁰. Предмет лотереи – статус, который вы получаете: билет в жизнь, который может поместить вас в первый, бизнес- или экономкласс или же вы-

бросить за борт самолета. Учитывая резкие различия и произвольное присвоение статуса гражданства – вас никогда не спросят, какое гражданство вы хотите, – именно *этот статус* составляет ядро понятия гражданства. С точки зрения базовой иерархии возможностей или даже шансов на физическое выживание американское гражданство дает на порядок больше привилегий, чем костариканское, а быть костариканцем несравнимо лучше, чем гражданином Мадагаскара. Об этом говорит, например, индекс качества гражданства (QNI)¹¹, который измеряет сравнительное качество всех гражданств мира на основе набора научных данных, ранжируя эти статусы по свободе передвижения, по наличию прав на работу и проживание за рубежом, а также по развитию человеческого потенциала (в соответствии с индексом человеческого развития (ИЧР)), миролюбию и экономическим достижениям стран, предоставляющих гражданство. Различия в качестве гражданств касаются далеко не только возможности въехать в США без визы или работать во Франции без обременительных административных формальностей. Юридические статусы имеют значение в самом прямом смысле. Сможете ли вы быть с любимым человеком¹²? Будет ли у вас право решить, во что верить, или вас обезглавят за веротступничество? Будут ли вам доступны медицинские процедуры, необходимые для спасения жизни? Сможете ли вы иметь столько детей, сколько захотите, в том числе ни одного? Позволит ли вам ваш талант добиться процветания или

вы гарантированно будете влачить дни в нищете? Ключевые аспекты нашей жизни во многом, а иногда и полностью зависят от того, где в мире мы находимся и какое гражданство имеем. Чтобы точно охарактеризовать концепцию гражданства, нужно начать анализ с правового статуса гражданства, которым формально наделяют людей органы власти, отвечающие за определенную территорию. Именно этому посвящена следующая глава книги, в которой будет рассмотрен правовой статус гражданства: наделение гражданством, его эволюция и дальнейшие перспективы.

Права

В результате лотереи происхождения люди, которым по рождению присвоен статус гражданства, получают права. И именно права, приобретенные благодаря тому или иному статусу, позволяют отличить «хорошие» гражданства от «плохих». Некоторые статусы (например, швейцарское гражданство) настолько благоприятны, что практически гарантируют здоровую жизнь, хорошее образование, свободу международных поездок, а также позволяют при желании с легкостью распрощаться с родиной навсегда. Любой швейцарский гражданин имеет право на переезд без лишних вопросов в 40 с лишним высокоразвитых стран и территорий по всему миру для работы и проживания, если, на его взгляд, Швейцария чересчур богата или чересчур скучна. В этом случае у него также будет надежная защита от дискриминации на основании того, что он «иностранец». По сравнению с элитарными супергражданствами высочайшего качества, включая швейцарское, новозеландское, ирландское и люксембургское, прочие статусы – на деле чуть больше половины гражданств мира – это скорее *обременение* для их обладателей: такие статусы бесправны. Большинство гражданств мира ограничивают жизненные перспективы и мешают реализовать мечты, устанавливают «стеклянные потолки». Мы часто предполагаем, что права, с которыми ассоциируется

гражданство, сопоставимы от страны к стране. На деле это вовсе не так: более качественные статусы дают больше прав и более обширные права; менее качественные статусы, напротив, создают обременения, порой опасные для жизни. В десятках стран мира статус гражданина делает достойную жизнь трудной, а то и невозможной. В нашем мире гражданство играет важнейшую роль в пространственной атрибуции людей, привязывая их к территории конкретной страны, и, как блестяще продемонстрировал Бранко Миланович, основные аспекты глобального неравенства по своей природе именно пространственны. Поэтому гражданство можно считать ключевым фактором сохранения статус-кво, при котором нищие (например, конголезцы, о каком бы Конго ни шла речь) остаются нищими, а богатые (например, швейцарцы) – богатыми¹³. Этот вопрос мы подробнее рассмотрим далее. Крайне важно понять, что именно гражданство, а не талант, напряженный труд или интеллект, играет решающую роль в нашем экономическом благополучии и, таким образом, выступает ключевым инструментом поддержания глобального неравенства.

Экономический анализ глобального неравенства показывает, что «в сегодняшнем мире место рождения или проживания по-прежнему играет колоссальную роль; оно, возможно, на целых две трети определяет наш суммарный доход на протяжении жизни»¹⁴. Лишь крошечной доле мирового населения – тем, кто поменял страну проживания

в течение жизни – удастся избежать исходно назначенной им судьбы, будь то благополучие или бедность. Более того, гражданство, будучи ключевым инструментом сохранения глобального неравенства, обладает огромной биологической властью. Оно запирает бедных там, где у них практически нет экономических рычагов, а продолжительность жизни крайне мала. Вот самый грубый пример: шансы достичь пятилетнего возраста у финских детей в 25-50 раз выше, чем у конголезских (опять же хоть из одного, хоть из другого Конго)¹⁵. Но у финнов к тому же есть свобода проживать в десятках других крайне богатых стран с очень высоким уровнем человеческого развития¹⁶, в то время как конголезцы на практике не могут улучшить свою жизнь посредством легальной миграции: их гражданство, по сути, запирает их внутри страны. Когда кто-то говорит «у нее есть своя страна, пусть убирается туда» о гражданке любой из стран мира, которые вместо прав предлагают лишь болезненные обременения, это не просто жестоко, это еще и глубоко лицемерно. Это знак бездумного согласия с мантрой суверенного равенства государств, которая предлагает нам видеть справедливость в случайности и равенство – в отчуждении. Как мы увидим на протяжении книги, преподнесение гражданства в позитивном свете практически всегда напрямую связано с ложным предположением, что все гражданства более-менее одинаковы по качеству и что все страны наделяют своих граждан более-менее полезными правами. Одна из главных

целей книги – показать, что это совершенно не так и что так не было никогда.

Подобные удобные, но ложные выводы возможны благодаря политическим нарративам о самоопределении, которые игнорируют глобальное распределение экономического, политического и культурного влияния. Многие популярные теории настаивают, что политические права – единственно возможная отправная точка для обсуждения основного содержания гражданства, что подразумевает приоритет политических прав над статусом. Приятно быть идеалистом, особенно если обладаешь одним из самых элитарных статусов – а именно так обстоит дело у большинства теоретиков гражданства, в том числе всех американцев и западных европейцев, строчащих сегодня учебники. Яркое исключение – Аристотель, проживавший в Афинах в статусе метека²; его терпели, но всегда видели в нем чужеземца из Македонии¹⁷. Необходимо признать случайный характер своих привилегий, чтобы избежать предвзятого отношения к тем, кому посчастливилось меньше и для кого все разговоры о политических правах представляются чем-то раздражающе несущественным либо совершенным притворством – особенно когда такие разговоры оправдывают ограничение доступа к бо-

---

² Метеки (от греч. *Mstoikoi*, букв. «переселенец», «чужеземец») – в Древней Греции иностранцы, поселявшиеся в Аттике на продолжительное время или навсегда. Будучи лично свободными, метеки не имели политических прав, не могли вступать в брак с гражданами и, как правило, не могли владеть недвижимой собственностью. – *Прим. перев.*

лее качественному

гражданству. К этой проблеме мы обратимся в главе о политических аспектах гражданства. Как мы увидим, в современном мире, как, впрочем, и пятьдесят или сто пятьдесят лет назад, признание политических прав священными – это одна из несущих конструкций в здании лицемерия, благодаря которым произвольно назначенный статус гражданина столь привлекателен и столь эффективен. Отнюдь не все страны мира, предоставляющие гражданство, – демократии. Индекс демократии, составленный The Economist Intelligence Unit, утверждает, что только 4,5% населения мира живет в условиях «полноценной демократии». В 91 стране политический режим – «гибридный» или «авторитарный»¹⁸. Мир в целом становится менее демократическим¹⁹. Более того, с современной точки зрения, ни одна страна мира не была настоящей демократией в золотой век националистического гражданства, когда главным нарративом гражданства, впрочем как и сегодня, была идея политической эмансипации. Разумеется, при такой деконтекстуализации демократии нужно быть очень осторожным. Даниэле Аркибуджи прекрасно об этом говорит: «[В Швейцарии] право голоса было предоставлено женщинам (т. е. большинству населения) только в 1971 году, гораздо позже, чем, например, в Индии. Однако было бы неверным сделать вывод о том, что Швейцария не была демократической системой до 1971-го или что Индия в 1952 году была более демократичной, чем

Швейцария»²⁰.

Но это не меняет главного тезиса: гражданство как в теории, так и на практике – это, конечно же, нечто большее, чем воспроизводство идеи демократического самоуправления. Возникает вопрос: действительно ли гражданство опирается на демократическое устройство? И если демократия отстывает, последует ли за ней гражданство? Как покажет эта книга, разумно заключить, что классическая привязка гражданства к демократии мало влияет на его реальное функционирование в современном мире за пределами крохотной элитарной группы западных стран. Чрезмерная сосредоточенность на участии в политической жизни при анализе гражданства делает невидимыми практически все основные аспекты гражданства как правового статуса, фиксирующего связь человека с государством или государственным образованием, а также важнейшие права, вытекающие из этого статуса, в особенности права на проживание и работу, которые мы обсудим в третьей главе.

Аристотель прекрасно понимал эту проблему: в его время гражданство существовало и в недемократических обществах, как и теперь – от Катара до Венесуэлы и Центральноафриканской Республики²¹. Легалистическая концепция гражданства, происходящая из римского права, рассматривает правовой статус вне связи с системой правления в государстве, присваивающем статус гражданства. Такой анализ представлен в работах Майкла Оукшотта и Кристиана Йопп-

ке, и он помогает разрешить эту загадку, признавая при этом гражданство большинства государств мира, где демократии нет²². Действительно, и теория, и практика гражданства указывают на тот простой факт, что фетишизация одной конкретной группы прав затуманивает анализ гражданства. Мы вернемся к этому обсуждению в пятой главе.

Те, кто обращает внимание на свое гражданство, в состоянии разглядеть нечто большее, чем мантры «суверенного равенства», «политического участия» и «самоуправления». Ключевые права граждан включают возможность жить в своей стране без риска депортации, свободу от постоянного унижения и дискриминации, а также, что особенно важно, право на работу в этой стране.

Эти права имеются во всех странах, где существует гражданство – от греческой демократии до венесуэльской, – и, конечно, они не должны быть эксклюзивными, то бишь предоставляться только гражданам и только в «их» стране. Тот факт, что Греция без вопросов позволяет швейцарцам работать на своей территории²³, дает греческую надбавку к и без того превосходному качеству швейцарского гражданства, но не обязательно бросает тень на ценность греческого. Еще раз: хотя политические права важны, без них можно обойтись, если говорить о гражданстве на практике, – над этой проблемой бился еще Аристотель, как упоминалось выше. Спарта, путинская Россия, Катар, Королевство обеих Сицилий и викторианская Англия одинаково антидемократичны

в том плане, что в них большинство населения лишено возможности управлять страной. Тем не менее во всех этих государствах, бесспорно, существует (или существовало) свое собственное гражданство.

Популярная практика выдвижения политических прав на первый план не только выступает основой для неуклюжих попыток дать определение гражданству, но и служит некоторым другим целям. Причины этого довольно ярко объяснил еще после Второй мировой войны Т. Х. Маршалл, один из самых известных мыслителей в этой области²⁴.

Гражданство обеспечивает управляемость через суверенитет, в равной мере обещанного обладателям такого статуса. В мире, где гражданство – это абстракция, а равенство – ее ключевой результат, люди всё же сильно отличаются с точки зрения личного благосостояния, ума и способности преуспеть. Принцип «один человек – один голос» становится главным доводом, лежащим в основе мобилизации народных масс в поддержку статус-кво, предложенного правящими элитами. Нечто вроде этого Николай II надеялся достичь в 1905 году, а именно провозгласить политические права и тем самым остановить зарождающуюся революцию. Иногда это срабатывает, как Т. Х. Маршалл показал на примере Англии; иногда – нет, как это видно из российской истории²⁵. Вымысел это или реальность (а обычно что-то между), гражданство и вытекающие из этого статуса права всегда являются частью одного целого. Поэтому в третьей главе

мы анализируем права, связанные с гражданством, особенно самые важные из них – право на проживание и работу в стране, их эволюцию и дальнейшие перспективы развития.

Равенство становится конструкцией, связывающей статус гражданина с правами гражданства. Хотя отсутствие дискриминации обычно преподносится как право, это также, несомненно, ключевой элемент статуса гражданина в его нынешнем понимании. Разумеется, общества могут нормально функционировать, даже когда неравенство выступает их основополагающим идеалом. Вспомните, например, афинскую демократию, в которой гражданством обладало лишь ничтожное меньшинство, а равноценность людей не предполагалась вовсе. За повседневный демократический процесс на деле отвечали высокопоставленные рабы, принадлежащие государству²⁶. Современное гражданство стало возможным только благодаря аксиоматической презумпции равенства, основанной на равной ценности каждого человека. Ее можно связать с постепенной артикуляцией индивидуализма в христианской сотериологии – процессом, который убедительно проанализировал Ларри Зидентоп²⁷. Обещание именно индивидуального спасения перевернуло классическое представление о справедливости как о четком распределении свободы между неравными в мире, неравном «по своей природе». Таким образом, равенство, каким бы проблематичным оно ни было с эмпирической точки зрения, стало исходным посылом и мощным нормативным инструментом

современного теоретизирования, заложившего основу того, что сегодня означает гражданство – статус, основанный на аксиоматической равноценности всех его обладателей.

Современное гражданство усиливает и подкрепляет индивидуализм. Провозглашение равенства всех граждан по закону, таким образом, естественная конструкция, позволяющая поставить в один ряд статус гражданства и связанные с ним права. Идеологическим основанием гражданства служит равная ценность каждого индивида, обладающего этим статусом, а не семьи или группы людей. Конечно, ни для кого не секрет, что де-факто неравное гражданство или «полугражданство» не просто возможно, но на практике всегда является нормой. Это убедительно показала Элизабет Коэн²⁸. Тем не менее с чисто нормативной точки зрения гражданство неравноправных по закону логически абсолютно невозможно в качестве отправной точки.

Важно понимать, что равенство, о котором мы говорим, это не очевидный, в каком-либо смысле естественный либо нейтральный отправной пункт. Это лишь изначальная нормативная позиция, которая делает гражданство возможным. Сэр Исайя Берлин был прав, когда напоминал, что «равенство – это одна ценность из многих: степень, в которой оно совместимо с другими целями, зависит от конкретной ситуации и не может быть выведена из общих законов какого бы то ни было рода; оно не более и не менее рационально, чем любой другой верховный принцип; даже трудно понять, что

имеется в виду, когда его рассматривают как рациональное или нерациональное»²⁹.

Идея равенства, хоть первоначально дарованного, согласно апостолу Павлу, тем, кто уверовал, была перенесена на общество тех, кто подчинялся суверену – сначала Макиавеллеву государю, а потом «народу» после нормативного надления последнего суверенитетом. Таким образом, всеобщее равенство стало означать, что все, кто находится под властью одного государя, равны, и это убеждение по-прежнему было основано на религиозной догме. Обещание равенства – равного достоинства, равной ценности, столь важное для организации любого общества и затрагивающее не только наше гражданство, но и основы морали, эмпирически отсутствует в мире, где существует более одного суверена (читай: государства, народа). Более того, в таком мире оно может быть попросту беспочвенным, если верить Луису Поджману: «Вопрос в том, могут ли демократические идеалы, которым привержены эгалитаристы, обходиться без опоры на религиозную традицию. Если нет, то эгалитаристы, возможно, подпитывают свои рассуждения чем-то позаимствованным из религиозной метафизики, которая (в их глазах) обанкротилась»³⁰.

Беспочвенное не значит бесполезное: равенство – это важнейший нормативный выбор, который мы делаем. Свободен эгалитаризм от религии или нет, он прекрасно живет и воспроизводится в учебниках и основополагающих документах,

на которые опирается каждое государство без исключения. Равенство – один из ключевых инструментов легитимации власти в любой демократии. Гражданство, с одной стороны, риторически усиливает эгалитаризм, принимая его в качестве отправной точки, а с другой стороны, делает его недостижимым на практике, ибо равенство существует лишь в определенных границах – среди граждан. Поскольку конфигурация этих границ никогда не бывает нейтральной (как не нейтрально и распределение конкретных прав), гражданство приходится очень кстати, когда нужно оправдать исключения и нормализовать дискриминацию не только между обществами, но и внутри них. Как раз по этой причине притязания любого гражданства на равенство неубедительны: пытаясь локализовать универсальный идеал равенства, гражданство неизбежно подрывает его.

Обязанности

Любой анализ гражданства будет неполным без обсуждения обязанностей граждан в соответствии с классическим представлением, что права и обязанности сопутствуют друг другу. Обязанности представляют собой смесь того, что гражданам предписано выполнять, и перечни их столь же хорошо известны, как и длинные. Считается, что «добропорядочные граждане» платят налоги, ведут жизнь, подобающую достойным членам общества, преданно любят родину, добровольно записываются в армию, если требуется, и являются носителями ценностей своего общества. В четвертой главе все это рассматривается более подробно. В отличие от прав, которые могут быть, а могут и не быть эксклюзивными применительно к статусу гражданина, обязанности функционируют по-иному: эксклюзивность здесь становится необходимым условием. Так, если каждый постоянный житель с доходом или даже без дохода (как в Беларуси, где отсутствие заработка противозаконно и облагается налогом по фиксированной годовой ставке³¹) обязан платить налоги, то эта обязанность связана не с гражданством, а с местом жительства: гражданство на нее просто не распространяется. Абсолютное большинство хрестоматийных обязанностей гражданства, что весьма удивительно, не проходят этот элементарный тест, хотя есть, конечно, и пара исключений.

Пытаясь локализовать универсальный идеал равенства, гражданство неизбежно подрывает его.

Если рассмотреть, например, любовь к родине и участие в ее войнах, то картина становится гораздо интереснее. На протяжении всей истории гражданства риторику обязанностей последовательно применяли, чтобы придать логику, какой бы надуманной она ни была, лишению гражданских прав женщин, меньшинств, людей, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, а также всех, кому на государство наплевать. Это укрепляло основные функции гражданства – исключение и обеспечение смирения. Во всем мире картина традиционно была одна и та же: женщины, провозглашенные слишком слабыми, чтобы умереть за родину и принести ей этим пользу, вследствие этого не получают права голоса, а иногда де-факто и вообще никаких гражданских прав. Гражданство всегда было статусом для мужчин, и гражданские обязанности играли ключевую роль в сохранении такого порядка вещей³². Вероятно, наиболее интересный аспект истории обязанностей гражданина – совместная эволюция обязанностей и современного представления о свободе: как только большинство государств перестали как одержимые уничтожать меньшинства и унижать женщин, обязанности, по сути, начали исчезать, что мы обсудим в четвертой главе. Это неудивительно: если основная функция обязанностей – уничтожить индивидуальность и обосно-

выводить исключение из принципа равенства (основополагающего принципа гражданства), то когда государства начинают признавать сложность обществ, с которыми они работают, для таких обязанностей не остается места. Они исчезают за ненадобностью. Накал конфликта между социальной и правовой реальностью снижается уже достаточно долгое время. Однако важно отметить, что историческое значение обязанностей гражданина трудно переоценить: зачем какой-либо власти в принципе создавать граждан, если не для того, чтобы обложить их налогами и отправить на войну? Таким образом, в деградации обязанностей кроется определенная ирония: если обязанности – историческая опора гражданства – потеряли свою значимость, то что может заместить их видную роль на фасаде гражданства и спасти эту концепцию от дальнейших сомнений?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.